

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Ф. Д. Ашнин

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ НАУЧНАЯ ГРАММАТИКА АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема авторства

Цель настоящего этюда — показать, какими запутанными оказываются порой пути, по которым приходится идти исследователю в поисках ответа на вопрос об авторе или составителе той или иной грамматики или словаря, если титульный лист не содержит таких сведений.

В этом отношении показательна история установления авторов классического грамматического сочинения, известного всем тюркологам под названием: *Грамматика алтайского языка*. Составлена членами алтайской миссии. Казань, Унив. тип., 1869, III, VIII, 289+298 стр. (В обиходе она часто именуется *Алтайской грамматикой*.) Здесь все дело в том, что вопрос — кто подразумевается под «членами алтайской миссии» — решался и решается разными учеными по-разному и до сих пор остается, по существу, открытым. Между тем высокая научная ценность этой грамматики и ее большое влияние на развитие лингвистической тюркологической мысли в России давно побуждают найти по возможности исчерпывающий ответ на вопрос об авторе путем внимательного прочтения старой литературы и обращения к архивным материалам.

Для начала дадим сводку основных мнений, высказанных на этот счет. По чисто практическим соображениям лучше всего изложить эти мнения в условно хронологическом порядке — с учетом степени давности приобщения к алтайской миссии хотя бы одного из называемых исследователями возможных составителей *Грамматики* 1869 г. Это избавит нас от бесконечного и утомительного перечисления имен, дат и источников, но не помешает нам при случае совершить лингвистический экскурс в историю алтайской духовной миссии, начало которой было положено указом синода от 24 декабря 1828 г. по старому стилю. Напомним еще для удобства, кто и когда возглавлял миссию

в течение всего интересующего нас периода. Это архим. Макарий Глухарёв: 1830—1843; протоиерей С. В. Ландышев: 1844—1865; архим. Владимир Петров: 1865—1883; архим. Макарий Невский: 1884 — июнь 1891; епископ Владимир Синьковский: июнь 1891—1893.

Принятый нами принцип изложения обязывает нас привести прежде всего мнение известного востоковеда и энциклопедиста акад. А. Е. Крымского (1871—1942): «Вскоре (после первого тома радловских „Образцов народной литературы тюркских племен“, 1866 г.—Ф. А.) появилась миссионерская очень хорошая „Грамматика алтайского языка, составленная членами алтайской миссии“ (Каз. 1869, 289 с.). Главным автором, или составителем, был Н. Ильминский, а материалы собирал покойный архим. Макарий (Глухарёв, ум. 1847), основатель алтайской духовной миссии, и о. В. Вербицкий»¹.

С. Е. Малов (1880—1957) уточнил: «В 1869 г. вышла книга: „Грамматика алтайского языка“ (составлена членами Алтайской миссии, Казань). Грамматика эта является трудом многих лиц. Начата она была Ст. В. Ландышевым, главное же авторство принадлежит В. И. Вербицкому. В окончательном оформлении и редакции грамматики принимали участие: члены миссии иеромонах Макарий, проф. А. К. Казем-бек, а главным образом проф. Н. И. Ильминский»².

О. И. Прицак (р. 1919) обобщил: «Почти одновременно с радловским томом текстов вышла в 1869 г. „Грамматика алтайского языка“, составленная членами алтайской православной миссии. Это произведение, считающееся — прежде всего в трактовке синтаксиса (с. 112—285) — одной из лучших грамматик по тюркским языкам, является продуктом коллективного творчества. Сбор материалов начал второй руководитель алтайской миссии С. Ландышев (1843—1865), главным же составителем был миссионер В. И. Вербицкий (1827—1890), а редакторами были тюркологи А. М. Казем-бек (1802—1870) и прежде всего Н. И. Ильминский (1822—1891)»³.

Специалист по алтайскому языку и алтаец по происхождению В. Н. Тадыкин (р. 1934) в специальной статье, посвященной 100-летию Алтайской грамматики, занял компромиссную позицию: упомянув имя первого начальника миссии архим.

¹ А. Кримський. Тюрки, їх мови та літератури. 1. Тюркські мови. Вип. 2. Київ, 1930, с. 175; Перепеч. в кн.: А. Ю. Кримський. Твори в п'яти томах. Т. 4. Сходознавство. Київ, 1974, с. 537 (разрядка А. Е. Крымского).

² См.: С. Е. Малов. Предисловие.— Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 9.

³ О. Pritsak. Das Altaitürkische.— PhTF. Bd 1. 1959, с. 572.

Макария Глухарёва, он тут же назвал Ландышева, Вербицкого, Казем-бека и Ильминского как непосредственно причастных к созданию Грамматики, а затем подчеркнул, что «наиболее серьезным исследователем алтайцев из миссионеров <...> был В. И. Вербицкий», что «В. И. Бербицкий — главный автор „Грамматики алтайского языка“», что «основную работу над „Грамматикой“ проделал в 60-х годах прошлого века В. И. Вербицкий» и что «„Грамматика алтайского языка“ Вербицкого охватывает все три традиционные разделы языка: фонетику <...>, морфологию <...>, синтаксис»⁴. При такой аттестации Вербицкого как лингвиста остается только удивляться, зачем же ему понадобилось «активное участие» сразу двух редакторов «в окончательном оформлении» Грамматики. Принятый В. Н. Тадыкиным критерий определения авторства Грамматики с логической неизбежностью должен был привести и привел его к тому, чтобы поставить Вербицкого-лингвиста в один ряд с Радловым: «Так, в связи с именами В. И. Вербицкого и В. В. Радлова, алтайский язык стал одним из первых тюркских языков, ставших объектом научного исследования»⁵.

Такая расширительная трактовка проблемы авторства «Грамматики алтайского языка» встречается скорее как исключение и крайность. Чаще можно встретить высказывания в пользу более узкого круга авторов. При этом нельзя не заметить, что сужение или расширение этого круга, предпочтение одного автора другому редко основываются на документах. Как правило, такие мнения варьируются в зависимости от сложившейся традиции [в определенной части идущей от А. А. Ивановского (1866—1934)]⁶, от знания общетюркологических и общелингвистических возможностей предполагаемых составителей Алтайской грамматики или по соображениям этического свойства.

В. В. Бартольд (1869—1930) в статье «Востоковедение» среди некогда бедной литературы по отдельным тюркским языкам указал со всей определенностью историка науки: «..., Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869; авторы — Н. И. Ильминский и о. Макарий)»⁷.

⁴ См.: В. Н. Тадыкин. К 100-летию «Грамматики алтайского языка». — «Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ». 1970, вып. 9, с. 124.

⁵ Там же, с. 125.

⁶ А. А. Ивановский. Алтайский миссионер протопиерей В. И. Вербицкий. — «Этнографическое обозрение». Кн. 8. № 1. М., 1891, с. 178. Отметим попутно явную контаминацию в указателе Р. Лёвенталя в записи под № 1525*: «Verbitskii V. I. Grammatika altaiskogo iazyka, sostavlena chlenami Altaiskoi missii... Kazan (Univ.), 1869. VIII. 298 p. — Contains Russian-Altai and Altai-Russian dictionary» (R. Loewenthal. The Turkic Languages and Literatures of Central Asia. A Bibliography. 's-Gravenhage, 1957, с. 141).

⁷ См.: В. В. Бартольд. Востоковедение. — Энциклопедический сло-

Н. К. Дмитриев (1898—1954) высказался с большой осмотрительностью: некоторые из русских миссионеров «обладали очень хорошими познаниями по части тюркологии, как, например, проф. Н. И. Ильминский, Вербицкий и др. Оба последних составили классическую книгу „Грамматика алтайского языка“»⁸.

Л. П. Потапов (р. 1905) существенно сместил акценты: «В. Вербицкий была составлена большая грамматика алтайского языка, сохранившая научное значение до наших дней. К работе по усовершенствованию и редактированию грамматики был привлечен Н. И. Ильминский <...>. Издание грамматики было предпринято архимандритом Владимиром»⁹.

Одновременно наблюдались и до сих пор наблюдаются более или менее категорические высказывания в пользу единоличного авторства. Так, Н. А. Баскаков (р. 1905) весьма последовательно проводит идею о Вербицком как основном (а затем и единственном) авторе Грамматики: начав в 1958 г. (вслед за Л. П. Потаповым?) с утверждения, что Вербицкий — наиболее крупный и просвещенный алтайский миссионер и основной автор «Грамматики алтайского языка», Н. А. Баскаков повторяет это неоднократно¹⁰.

варь Брокгауза и Ефрона. Т. 28 (=55-й полутом). СПб., 1899, с. 812. Сходную трактовку авторства дал в своих воспоминаниях о Н. И. Ильминском известный просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев (1848—1930), с 1870 г. близко знавший его: «Ильминский вместе с Макарием (главным образом Николай Иванович) написали грамматику алтайского языка» (Архив ЧувНИИ, отд. II, ед. хр. 523, инв. № 1507, л. 4/221).

⁸ Н. К. Дмитриев. Труды русских ученых в области тюркологии. — Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. 3. Кн. 2. М., 1946 («Уч. зап. МГУ». Вып. 107), с. 64—65 (разрядка Н. К. Дмитриева). По-видимому, ученый вполне сознательно ввел «и др.», сочтя нецелесообразным называть того или тех, кто подразумевался под «др.». Такое допущение делает понятным некоторое нарушение логической связи между этим «и др.» и последующими «оба последних». Как бы то ни было, формально названы только два автора.

⁹ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 247. И. И. Ястребов (1867—?), биограф Владимира Петрова, также отмечал, что «Грамматика алтайского языка» была составлена и напечатана «по указанию о. Владимира», о чем см. «Православный собеседник» (далее — ПС). Казань, 1898, июнь, с. 652.

¹⁰ Н. А. Баскаков. К истории изучения алтайского языка. — «Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ». 1958, вып. 2, с. 28—29 (впрочем, уже тогда в подстрочном примечании к с. 29 Н. А. Баскаков был склонен признать за Вербицким единоличное авторство характерной ссылкой: «его же. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, составлена членами Алтайской миссии»). См. еще: Н. А. Баскаков. Тюркские языки Южной Сибири. — Младописменные языки народов СССР. Сборник статей. М.—Л., 1959, с. 145, прим. 13; он же. О проекте программы кандидатского минимума по тюркскому языкознанию для аспирантов. — СТ. 1972, № 4, с. 86. В этой последней работе уже запросно говорится о Вербицком и его (sic!) Алтайской грамматике. Может быть, бесполезно в связи с этим напомнить,

что и сам «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884), единодушно связываемый всеми специалистами с именем одного Вербицкого, редактировался и совершенствовался при помощи носителей различных диалектов Алтая Н. И. Ильминским, как в этом легко убедиться, прочитав, например, письмо Ильминского к Макарию Невскому от мая 1887 г., опубликованное в кн.: П. В. Знаменский. Несколько материалов для истории алтайской миссии и участия в ее делах Н. И. Ильминского. Казань, 1901, с. 60. Разумеется, участие Н. И. Ильминского в издании Словаря В. И. Вербицкого не афишировалось, хотя и не составляло секрета. По крайней мере В. В. Радлов, приступая к изданию своего «Опыта словаря тюркских наречий», в письме к Н. И. Ильминскому от 15 января 1888 г. просил последнего прислать ему отпечатанные листы Словаря Вербицкого, прямо указывая: «который печатается под Вашим надзором» (ЦГА ТАСР, ф. 968, оп. 1, д. 42, л. 3—4).

Поскольку другие тюркологи на единоличном авторстве В. И. Вербицкого, как правило, не настаивают и ограничиваются лишь повторением мнений предшественников, представляется уместным высказать здесь одну догадку. Можно полагать, что повод думать о В. И. Вербицком как главном и чуть ли не единственном авторе «Грамматики алтайского языка» дали акад. А. Н. Самойлович (1880—1938) и проф. А. М. Сухотин (1888—1942). Действительно, А. Н. Самойлович в статье «Женские слова у алтайских турков» (Язык и литература. Т. 3. Л., 1929, с. 221) обронил фразу: «Заложивший вместе с Вербицким прочный фундамент изучения языка и быта алтайских турков, В. В. Радлов не уделит достаточного внимания вопросу об особом лексиконе у них». Но совершенно очевидно, что в данном случае имелись в виду в первую очередь заслуги В. И. Вербицкого в области алтайской этнографии, где с ним соперничал только великий Радлов. Что же касается вопроса об истинном авторе классической «Грамматики алтайского языка», то, как мы увидим позже, ответ на него был для А. Н. Самойловича предельно ясен, и его интересная во многих отношениях поездка на Алтай в 1927 г. не могла поколебать твердого убеждения, сложившегося на этот счет еще в начале века.

А. М. Сухотин в статье «К проблеме национально-лингвистического районирования в Южной Сибири» (Культура и письменность Востока. Кн. 7—8. М., 1931, с. 101) также опирается на В. И. Вербицкого как одного из своих предшественников, когда пишет: «Наибольшее количество эмпирически добытых данных о схождениях и расхождениях тюрко-татарских наречий южной Сибири можно почерпнуть из работ алтайских миссионеров, в частности Вербицкого». Но подстрочное примечание к этому предложению не оставляет сомнения в том, что этот разносторонний ученый здесь, как всегда, точен: «Грамматика алтайского языка. Составлена членами алтайской миссии. Каз[ань] 1869.—В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Каз[ань] 1884.—Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований В. И. Вербицкого. М., 1893 (посм.)», т. е. он отнес к В. И. Вербицкому только то, что по праву принадлежит ему, и никому больше. В этом нас убеждает и то, как пришел ученый к такому заключению. Посланный летом 1929 г. Институтом этнических и национальных культур народов Востока на Алтай для «собирания лингвистических материалов по алтайским говорам», А. М. Сухотин постарался разобраться в лингвистической ситуации в целом, чтобы дать ВЦКНА обоснованные рекомендации о целесообразности создания двух литературных языков для тюркских племен Южной Сибири. С этой целью ученый близко познакомился с наличной литературой вопроса (лингвистической, этнографической и статистической), перезнакомился с многими видными алтайцами — выходцами из разных районов края, внимательно вслушиваясь в их речь и тщательно сверяя свои наблюдения с данными, извлеченными из научной литературы, и в конечном счете пришел к выводу, что наиболее полно и точно описывает строй алтайского языка коллективная миссионерская «Грамматика ал-

С другой стороны, нам известны только два случая, когда специалисты приписали авторство «Грамматики алтайского языка» одному иером. Макарию. Это сделали авторитетные тюркологи Н. Ф. Катанов (1862—1922)¹¹ и Жан Дени (1879—1963), причем у последнего как во французском оригинале Грамматики¹², так и в ее турецком переводе¹³ «Грамматика алтайского языка» подана в списке литературы на Макария (Makari) и сопровождается оговоркой: «составлена членами алтайской миссии». Но разобраться в истоках этой ошибки не так уж трудно.

Наконец, можно назвать также ученых, которых трудно заподозрить в незнании истории науки и которые, однако, единодушно считают наиболее вероятным автором классической «Грамматики алтайского языка» 1869 г. известного ориенталиста Н. И. Ильминского. Так, П. М. Мелиоранский (1868—1906), один из самых проникательных отечественных тюркологов и ближайший научный последователь Н. И. Ильминского, писал, что автор «Грамматики алтайского языка» отличался особенным даром проникновения в строй тюркских языков, и, предсказывая долгую жизнь «его прекрасной грамматике», снабдил эти строки знаменательным подстрочным примечанием: «Как известно, главная заслуга в деле составления ее принадлежит известному знатоку турецкого языка Н. И. Ильминскому»¹⁴. Вслед за своим учителем П. М. Мелиоранским систематически обращался к «Грамматике алтайского языка» уже в первой своей научной работе, «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта»¹⁵ (1903), А. Н. Самойлович, делая ссылки типа: такая-то форма, по

тайского языка», «закрывающая в себе бездну премудрости», и, судя по дневнику, вменил себе в обязанность тотчас по возвращении в Москву навести справки о составителях этой Грамматики в среде тогдашнего столичного духовенства, назвав при этом даже место возможного пребывания потомков алтайских миссионеров. К сожалению, осталось неизвестным, что именно удалось установить А. М. Сухотину. Но одно остается бесспорным: высоко ценя исследовательскую точность, А. М. Сухотин не мог погрешить против истины и, под свежим впечатлением от недавней кончины бывшего иеромонаха Макария, предпочел оставить вопрос об авторах Алтайской грамматики открытым.

¹¹ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. XX.

¹² J. Deny. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). P., 1921 (на обл.: 1920), с. XVII и XX.

¹³ J. Deny. Türk dili grameri (osmanlı lehçesi). Tercüme eden: A. U. Elöve. İstanbul, 1941, с. X и XII—XIII.

¹⁴ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 2. Синтаксис. СПб., 1897, с. VI.

¹⁵ Рукопись хранится в Ленинграде в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 671, ед. хр. № 129 (6 общих тетрадей).

мнению Н. И. Ильминского, состоит из таких-то элементов. В. А. Гордлевский (1876—1956), который читал специальный курс «История тюркологии» (например, для аспирантов в Иннарвесе)¹⁶, отмечал, что Н. И. Ильминский был одним из главных авторов «Грамматики алтайского языка», добавляя при этом: «Как-никак после Ильминского Ашмарину легко уже было разработать и углубить синтаксис чувашского языка...»¹⁷. Но, пожалуй, с наибольшей определенностью высказался по этому вопросу Е. Д. Поливанов (1891—1938), отметивший в статье «Историческое языкознание и языковая политика» крайнюю малочисленность в дореволюционной России русских исследований по «инородческим» языкам и самих исследователей, среди которых он выделил акад. В. В. Радлова, бар. П. К. Услара (1816—1875) и проф. Н. И. Ильминского, «давшего на редкость превосходную грамматику алтайского языка» (в сноске характерное добавление: «Вышла в свет она, однако, без имени автора»)¹⁸. В сущности, этой же точки зрения держится и проф. Н. Н. Поппе, полагающий Н. И. Ильминского «наиболее вероятным автором Алтайской грамматики»¹⁹.

Теперь мы можем подвести итог высказываниям об авторстве «Грамматики алтайского языка». К числу авторов Грамматики при самом либеральном, некритическом подходе могли бы быть отнесены: Макарий Глухарёв, С. В. Ландышев, В. И. Вербицкий, А. К. Казем-бек, Владимир Петров, Макарий Невский и Н. И. Ильминский. Кто же из них имеет прямое отношение к составлению «Грамматики алтайского языка»? Сделаем краткий анализ доводов разных ученых в пользу авторства каждого из семерых названных лиц, не пренебрегая при этом и возможными их собственными показаниями.

Первый начальник миссии (1830—1843), архим. Макарий Глухарёв [30.X.(10.XI).1792—17(29).V.1847]²⁰, в принципе мог бы стать автором Грамматики: ученик акад. Г. П. Павского (1787—1863), магистр богословия Макарий Глухарёв имел не только прямое предписание духовного начальства, «обращаясь между инородцами <...>, учиться языку их и узна-

¹⁶ См.: Р. [О.] Ш[ор]. Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР.—«Этнография». М.—Л., 1927, № 1, с. 204. См. также: ААН СССР, ф. 677, оп. 1, д. 12, л. 4.

¹⁷ В. А. Гордлевский. Памяти Н. И. Ашмарина.—Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968, с. 435.

¹⁸ См.: Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание. (Сборник популярных лингвистических статей). М., 1931, с. 22.

¹⁹ См.: N. Poppe. Introduction to Altai Linguistics (Ural-Altaische Bibliothek. XIV). Wiesbaden, 1965, с. 104.

²⁰ См. краткую биографию Глухарёва в кн.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. и с введением А. Н. Кононова. М., 1974, с. 147—148.

вать обычаи и веру их», а по достижении «достаточного познания языка их переводить им на оный книги священного писания»²¹, но у него был также явный вкус к изучению языков (хорошо знал немецкий, французский, латинский, греческий и древнееврейский). Однако, поспешив открыть в 1830 г. «действия алтайской духовной миссии», этот проповедник *par excellence* не имел ни малейшего представления о языке своей будущей паствы и почти во всех случаях вынужден был «действовать» через толмачей. Поэтому, как пишет В. И. Вербицкий, «основатель миссии ревностно занялся собиранием слов и речений алтайского языка. Но первые опыты по этому предмету сам же назвал „сумою нищего“»²², в которой были «добычи в знакомстве с различными наречиями, употребляемыми в различных племенах инородцев <...>». Из всех наречий, которые хотя и сродны между собою, но отличаются одно от другого, надлежало избрать более употребительное <...> и, таким образом, изучая одно, знакомиться мало-помалу и с другими»²³. Таким опорным наречием Макарий Глухарёв избрал телеутское, на которое и переводил веро- и нравоучительные книги²⁴. Эти переводы составили «огромные тетради» и «легли в основу дальнейших переводческих трудов алтайской миссии»²⁵. Но для нас важно констатировать другое: увлеченный этими занятиями и поглощенный заботами о миссии в целом (в частности, постоянными поисками благодетелей и обширной перепиской с ними), Макарий Глухарёв не мог уделить достаточного внимания составлению Грамматики. Правда, в его письме митрополиту Филарету [Дроздову] (1783—1867) от 29 декабря 1841 г. есть одно крайне неопределенное свидетельство о телеутской азбуке²⁶, но оно явно из области несбывшихся планов

²¹ Об этом см.: В. И. Вербицкий. Очерк деятельности алтайской духовной миссии по случаю пятидесятилетнего ее юбилея (1830—1880).— Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, 1885, с. 171.

²² Там же, с. 215. По-видимому, это собрание «слов и речений» и имел в виду А. Е. Крымский, когда писал: «...а матер'яли призвав покойный архим. Макарий» (см. выше, прим. 1).

²³ Там же. Приведенная нами в сокращенном виде цитата из статьи Вербицкого представляет собой извлечение из записок архим. Макария Глухарёва от июня 1832 г., когда он приобрел наконец постоянного толмача из природных алтайцев и смог приступить к некоторому упорядочению собранного им материала и к переводам духовных книг, к чему он более всего был расположен.

²⁴ Перечень переводов см.: К. В. Харлампович. Архимандрит Макарий Глухарёв. (Биографический очерк).— Письма архимандрита Макария Глухарёва, основателя алтайской миссии. С биографическим очерком, портретами... Под ред. К. В. Харламповича. Казань, 1905, с. 25.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: К. В. Харлампович. Письма архимандрита Макария Глухарёва..., с. 151—152; он же. Архимандрит Макарий Глухарёв. По поводу 75-летия алтайской миссии. СПб., 1905, с. 127.

Глухарёва: из письма к Филарету «не видно ни того, была ли это азбука телеутского наречия или по-телеутски изложенная азбука русского языка, ни того, была ли она закончена. Впоследствии при составлении алтайской грамматики об этом труде не упоминалось»²⁷. И неудивительно, ибо основателю миссии просто-напросто не хватило времени для составления Грамматики: ведь только весной 1840 г. во время своей последней поездки на Алтай Макарий удосужился прослушать в Казанском университете благодаря любезности тогдашнего ректора Н. И. Лобачевского двухмесячный курс лекций по классам татарского и монгольского языков у профессоров А. К. Казем-бека, О. М. Ковалевского (1801—1878) и А. В. Попова (1808—1880)²⁸, но мы «не имеем данных судить о том, что принесло Макарию и его спутникам слушание монгольского и татарского языков»²⁹. А 25 декабря 1842 г. архим. Макарий, «утомленный трудами и болезнями», отправил в синод прошение об отставке, которое 4 октября 1843 г. было удовлетворено. 4 июля 1844 г. он оставил миссию.

Второй начальник миссии (1844—1865), прот. Степан (Стефан) Васильевич Ландышев [1817—25.XII.1882 (6.I.1883)]³⁰, прослуживший в миссии в общей сложности 46 лет, менее других был способен дерзнуть на составление Алтайской грамматики: определившись в миссию послушником в 1836 г., этот сын дьячка Нижегородской губернии окончил к моменту отъезда в Томск к ссылкеному отцу только средние классы семинарии, а экзамены за полный курс семинарии сдал лишь накануне вступления в должность начальника миссии. Естественно, что он с трудом справлялся с общемиссионерскими обязанно-

²⁷ К. В. Харлампович. Архимандрит Макарий Глухарёв, с. 127—128. По-видимому, явно преувеличенными следует считать также указания К. В. Харламповича (см. предваряющий «Письма архимандрита Макария Глухарёва» биографический очерк, с. 25), что архим. Макарием был составлен сравнительный словарь алтайских наречий: В. И. Вербицкий в своем обстоятельном «Очерке деятельности алтайской духовной миссии по случаю пятидесятилетнего ее юбилея» признавал в числе трудов основателя миссии лишь «Краткий лексикон до 300 слов».

²⁸ См.: К. В. Харлампович. Архим. Макарий Глухарёв, основатель миссии, и его пребывание в Казани в 1840 г.—ПС. 1904, февр., с. 216.

²⁹ Там же, с. 225. Ср. показания самого Макария в письме от 26 сентября 1840 г.: «...мы в Казани до праздника Пасхи учились книжному татарскому языку, имеющему Словарь и Грамматику, надеясь, что знакомство это поможет нам в благопотребном для дела Божия изучении безграмотных (чит.: бесписьменных) алтайских языков, которые все татарской породы» (см.: Письма архимандрита Макария Глухарёва... Под ред. К. В. Харламповича. Казань, 1905, с. 369).

³⁰ Отправные данные о С. В. Ландышеве можно почерпнуть в кн.: С. А. Венгеров. Источники Словаия русских писателей. Т. 3. Пг., 1914 с. 390—391.

стями начальника. Во всяком случае, повседневные обременительные обязанности протоиерея при отсутствии глухаревской общеобразовательной и лингвистической подготовки нельзя назвать идеальными для создания Грамматики. И действительно, подводя итоги деяниям миссии в 1864 г., С. В. Ландышев сам показал, как далеко еще было до рождения Алтайской грамматики: «Составляется: 1) Сравнительный лексикон алтайских татарско-калмыцких наречий с языком тобольских татар, по словарю Гиганова, и 2) Грамматика сих наречий»³¹. В написанном В. И. Вербицким пространном некрологе С. В. Ландышева нет ни полслова о грамматике алтайских татарско-калмыцких наречий³².

Третий начальник миссии (1865—1883), архим. Владимир (в миру Иван Степанович Петров) [29.V(10.VI). 1828—2(14).IX.1897], окончил в 1853 г. Киевскую духовную академию, но любовью к изучению языков не отличался и ничего интересного для нас из печатного не оставил³³. На время начальствования архим. Владимира пришелся выход в свет «Грамматики алтайского языка», но нам трудно согласиться с мнением И. И. Ястребова³⁴, который связал это событие с инициативой и указаниями архим. Владимира, ибо инициатива принадлежит другому лицу, а руководящие указания о. Владимира своею некомпетентностью и неуместностью скорее мешали, нежели способствовали созданию Грамматики, в чем мы скоро убедимся.

Профессор С.-Петербургского университета А. К. Казембек (1802—1870)³⁵ прямого отношения к составлению «Грамматики алтайского языка» не имел. По долгу цензора изданий вероучительных книг на алтайском языке он представлял в синод свои замечания на первоначальный вариант Грамматики, которые, однако, не были приняты составителем, вследствие чего рецензент напрочь отпал и как редактор будущей Алтайской грамматики. И то и другое совершенно неоспоримо и вытекает из отношения хозяйственного управления при синоде от 23 июня 1867 г. и приложения к нему³⁶.

³¹ С. В. Ландышев. Алтайская духовная миссия. М., 1864, с. 7, прим. 7.

³² В. И. Вербицкий. Памяти миссионера протоиерея Стефана Васильевича Ландышева.— «Томские епархиальные ведомости» (далее — ТЕВ). 1884, № 14—18 (неофиц. часть).

³³ См. перечень печатных работ в статье: «Владимир (Петров)» в «Православной богословской энциклопедии»: Пг., 1902, с. 577—578.

³⁴ И. И. Ястребов. Миссионер... Владимир...— ПС. 1898, июнь, с. 652.

³⁵ См.: Библиографический словарь отечественных тюркологов, с. 175—178.

³⁶ ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 12, л. 1—3.

Что же касается В. И. Вербицкого³⁷, Макария Невского и Н. И. Ильминского³⁸, то все они имеют прямое отношение к выходу в свет «Грамматики алтайского языка». Публикации П. В. Знаменского (1836—1917)³⁹ и К. В. Харламповича (1870—1932)⁴⁰, а также некоторые другие данные, включая архивные документы, позволяют с большой долей уверенности полагать, что мысль о составлении пособия по алтайскому языку подал В. И. Вербицкому и снабдил его совершенно необходимыми на первых порах материалами Н. И. Ильминский, который в своей первой актовой речи в Казанском университете⁴¹ призвал научное языкознание протянуть руку помощи природным знатокам инородцев и у которого уже был известный опыт такого рода⁴². Вернувшийся из Оренбургской пограничной комиссии с богатым материалом по казахскому языку и фольклору Ильминский-лингвист в течение десятилетия еще преобладал над Ильминским-педагогом. Живейший интерес к теоретическому изучению дотоле неизвестных науке языков побуждал его к приисканию на обширных просторах Сибири возможных авторов, способных приняться за научное изучение языков и нуждающихся только в руководительстве. Достоверно известно, что в 1863 г. Н. И. Ильминский послал Вербицкому свой «Букварь для крещеных татар» (Казань, 1862), а вслед за тем свой рукописный «Очерк татарского языка», «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова (1821—1865) 1849 г., «Черную веру» Доржи Банзарова (1822—1855) 1846 г., свои «Материалы к изучению киргизского наречия» и «Материалы для джагатайского спряжения»⁴³. Проезжавшему в начале 1866 г. через Казань из Петербурга на Алтай новому начальнику миссии, архим. Владимиру, во время встречи с Н. И. Ильминским оставалось только согласиться с

³⁷ См.: Библиографический словарь отечественных тюркологов, с. 137—138.

³⁸ Там же, с. 168—170.

³⁹ П. В. Знаменский. Несколько материалов для истории алтайской миссии.

⁴⁰ К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия. Казань, 1905.

⁴¹ Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. — «Уч. зап. Казанского ун-та». 1861, кн. 3, с. 1—59.

⁴² В 1855 г. Н. И. Ильминский своими советами приохотил Д. В. Хитрова (1818—1896) к составлению грамматики якутского языка, вышедшей в свет в 1858 г. Автор этих строк располагает фотокопией черновика письма Ильминского к Хитрову. Черновик хранится в ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 80, л. 3—4.

⁴³ Возможно, эта неожиданная помощь со стороны и надежда на бескорыстное и компетентное руководство делом составления пособия по алтайскому языку дало тогдашнему начальнику миссии право написать в 1864 г.: «составляется <...> Лексикон <...> и Грамматика» (см. выше, прим. 31).

планами обзаведения пособием по грамматике языка, при посредстве которого ему предстояло общаться с коренным населением Алтая. Более того, вскоре по прибытии в Улалу архим. Владимир обратился к обер-прокурору синода Д. А. Толстому (1823—1889) с просьбой возложить на Н. И. Ильминского редактирование Грамматики, даже не списавшись предварительно с последним и совершенно не представляя себе, как далеко ей было до того, чтобы именоваться грамматикой⁴⁴.

Между тем В. И. Вербицкий на предложение помощи Н. И. Ильминским ответил, по словам К. В. Харламповича, полной признательностью. «Предложение Н. И. Ильминского как благородное и чистосердечное приемлю с искреннею благодарностью,— писал он 1 июня 1866 г. архим. Владимиру.— Если есть ошибки в грамматике, то они происходят не от упорства, каприза, желания устоять хотя на плохом, да на своем, а от ошибочности взгляда, недостаточности понимания»⁴⁵. А в письме к Н. И. Ильминскому от 1 июля 1866 г. вынужден был сознаться: «...а грамматика моя плохо движется, поэтому считаю обязанностью благодарить Вас как за книжицы, так и за искреннее Ваше мнение о моем посильном труде. Вы желаете, чтобы работа моя была совершеннее. Но, помилуйте, неужели я желаю противного? Кто же себе злорадец? Прошу покорнейше вникнуть в мое горестное положение: я не знаю ни одного восточного языка; следовательно, добираюсь до всего впотьмах, ощупью. Материалами никакими пользоваться не могу, не умею читать их, если они не написаны всероссийскими письменами. Драгоценнейшим источником для меня служит теперь Ваш „Очерк татарского языка“ <...>. Вот если бы побольше было таких материалов, тогда мы Вам доказали бы наше усердие пользоваться ими <...>. Правилами Бобровникова, подходящими к нашему языку, я тоже воспользовался. Не умея читать по-монгольски, я по чутью какому-то понял, что Бобровникова Грамматика — прекрасный для нас образец. Ах, как бы она была написана русскими буквами!»⁴⁶.

Как видно из отношения хозяйственного управления при синоде от 23 июня 1867 г., синод определением от 10 июня 1867 г. разрешил издание Грамматики под условием ее исправления и дополнения на основании замечаний Н. И. Ильминского, А. К. Казем-бека и иером. Макария, постановив напечатать 1200 экз. в типографии Казанского университета, в связи с чем

⁴⁴ См.: П. В. Знаменский. Несколько материалов для истории алтайской миссии, с. 18; ср. письмо В. И. Вербицкого от 1 июля 1866 г.

⁴⁵ Цит. по: К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 9.

⁴⁶ ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 95, л. 16—17. Слова «ни одного» подчеркнуты самим Вербицким теми же чернилами, какими писано все письмо.

хозяйственное управление синода просило Н. И. Ильминского принять на себя «цензурование и корректуру» сочинения. (Заметим, что сочинение это именовалось на первых порах «Руководством к изучению алтайского языка»⁴⁷ и составлено было по образцу «Букваря для крещеных татар» Ильминского; об этом, между прочим, свидетельствует намерение дать в виде приложений к «Руководству» молитвы на разных наречиях Алтая⁴⁸.)

В. И. Вербицкий в письме к Н. И. Ильминскому от 15 ноября 1867 г. выразил радость, что синод поручил печатание Грамматики ему, и оставил на его усмотрение все дальнейшие исправления и дополнения без согласования с ним, Вербицким, так как он добросовестно, ничего не пропустив, воспользовался уже его указаниями, следуя им с полным сознанием их справедливости; при этом все вышло «ладно, парно и стройно»⁴⁹.

Но Вербицкий не знал всей меры научной добросовестности и щепетильности Ильминского: прежде чем постулировать то или иное положение как фонетический или грамматический факт, он считал необходимым непременно проверить и перепроверить его на носителях языка⁵⁰, а в данном случае у него были особые основания предполагать наличие значительных диалектных различий у обитателей разных районов Алтая. Это предположение могло возникнуть под влиянием общих замечаний архим. Макария Глухарёва⁵¹ и противоречивых сведений,

⁴⁷ ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 12, л. 1—8. С другой стороны, в отношениях хозяйственного управления от 23 июня 1867 г. и от 17 марта 1869 г. упоминается в качестве составителя «Руководства» помимо В. И. Вербицкого также С. В. Ландышев, второй начальник миссии (1844—1865), которому Вербицкий доводился двоюродным братом. По-видимому, братья вначале замыслили составить «Руководство» вдвоем (о чем успели сообщить высшему духовному начальству), но вскоре все составление пало на одного Вербицкого, что и дало ему моральное право говорить «моя грамматика» в цитируемом выше письме; да и проф. А. К. Казем-бек в своей краткой рецензии (см. ф. 968, д. 12, л. 2—3) прямо пишет о «Руководстве священника Вербицкого», а последний, в свою очередь, возражает профессору (см. там же) ссылками на мнение «г. Бобровникова», косвенно подтверждая тем самым, что возражения эти писались при жизни А. А. Бобровникова [ум. 8(20).III.1865], т. е. не позже весны 1865 г., когда «Руководство» оставляло желать лучшего во многих отношениях.

⁴⁸ См.: К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 111.

⁴⁹ Там же, с. 10.

⁵⁰ Например, в одном письме 1864 г. к и. д. обер-прокурора синода кн. Урусову Н. И. Ильминский подчеркивал: «Я лингвист и переводчик, имеющий однако же постоянную нужду в [природном татарине] Тимофееве, как живописец в натурщике» (цит. по: П. В. Знаменский. На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892, с. 151—152).

⁵¹ Лингвистические замечания Макария Глухарёва о сродстве и отличиях наречий Алтая Н. И. Ильминский мог извлечь, например, из кн.: А. С. Стурдза. Памятники трудов православных благовестников русских с 1793 до 1853 г. М., 1857, с. 152—154.

заклучавшихся в «Руководстве». Личные беседы с иером. Макарием, который счел себя обязанным представиться казанскому «апостолу языков» во время своей первой же поездки в Петербург в 1864 г., предпринятой с целью напечатания алтайских переводов в синодальной типографии, могли лишь подтвердить правомерность его мыслей. С выходом же в свет в 1866 г. первой книги радловских «Образцов народной литературы тюркских племен» с текстами на поднаречиях «алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев» правильность его гипотезы стала очевидной.

Как бы то ни было, Н. И. Ильминский не решился вести дело без «натурщика» и в конце 1867 г. попросил архим. Владимира прислать к нему в Казань «для занятий над грамматикой и для ознакомления с переводческим и школьным делом»⁵² иером. Макария, который с ноября 1867 г. вторично и по тому же поводу находился в Петербурге. Почему на этот раз Н. И. Ильминский предпочел видеть в качестве информанта не носителя алтайского языка, например в лице бесспорно даровитого и к тому времени «уже заматеревшего в переводах» Мих. Вас. Чевалкова (1817—1901), понять нетрудно, если принять во внимание не только личные качества иером. Макария, как их представлял себе Н. И. Ильминский (единомыслие в главных вопросах, основательное практическое владение алтайскими наречиями, «кротость», «доброта», «симпатичный характер»⁵³ и молодость), но и цель вызова (грамматика — переводческое искусство — школьное дело).

В представлении Н. И. Ильминского все три вопроса тесно связывались между собой, поэтому единомыслие, знание предмета, покладистость и прилежание сотрудника были необходимым условием достижения цели вызова. Здесь не место входить в рассуждение о переводческом искусстве Ильминского и в рассмотрение его педагогических взглядов: это завело бы нас слишком далеко⁵⁴. Важно подчеркнуть: и то и другое у Ильминского вытекало из действовавших в условиях царской России принципов просвещения и находилось в рамках его собственной

⁵² К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 10.

⁵³ Там же, с. 5.

⁵⁴ Для интересующихся этими вопросами назовем некоторые работы: Н. И. Ильминский. Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках. Казань, 1871; он же. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык. — Православное обозрение. Т. 10. Кн. 3. М., 1863, с. 136—141; он же. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883; он же. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. СПб., 1886; Д. К. Зеленин. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев. СПб., 1902; С. В. Чичерина. О приволжских инородцах и современном значении системы Н. И. Ильминского. СПб., 1906.

концепции об инородческом образовании посредством учебных и общеобразовательных книг на родном языке и с помощью учителей, единоплеменных с учениками, и преследовало цель прочного сближения инородцев с русскими и приобщения их к достижениям мировой цивилизации. Что же касается занятий над Грамматикой, то они представлялись Ильминскому важной, но побочной работой, результатом которой должно было явиться пособие для учителей-миссионеров из русских. В расчете на этих именно потребителей было избрано необычное, «несколько тяжеловатое и устарелое изложение». Другое дело, что в итоге совместной работы ученого и информанта получилось не заурядное пособие, а классическое произведение. Впрочем, мы забегаем вперед.

Итак, архим. Владимир с осени 1867 г. до конца февраля 1870 г. находился в Петербурге, где вел нескончаемую тяжбу с попечителем миссии. В сложившейся трудной для него ситуации обращение к нему Ильминского с просьбой прислать в Казань иером. Макария означало более чем простое согласие известного всем ученого-востоковеда на редактирование несовершенного «Руководства». В переписку по этому вопросу неизбежно вовлекался сам обер-прокурор синода. Поэтому архим. Владимир 5 января 1868 г. ответил Ильминскому полным согласием на командирование иером. Макария в Казань. Сам Макарий в письме к Н. И. Ильминскому от 6 января 1868 г. выразил свою готовность выехать в Казань, но незакончившееся печатание в синодальной типографии алтайских книг задержало его в Петербурге до середины мая. Он послал при письме от 29 апреля 1868 г. Ильминскому свои замечания об алтайских глаголах и, как бы уполномочивая его тем на единоличную работу над грамматикой, обещал принять всю его правку «с полною верою и искреннею благодарностью»⁵⁵. Сам же явился в Казань только в июле 1868 г., но, как выяснилось, ненадолго: архим. Владимир полагал, что вся работа над рукописью Вербицкого займет каких-нибудь 2—3 месяца.

Но Н. И. Ильминский, получив в свое распоряжение информанта с указанными выше им самим достоинствами, справедливо решил, что ему не пристало выпускать в свет паллиатив вроде азбуки или руководства, и указал архим. Владимиру на желательность более продолжительного пребывания иером. Макария в Казани. В письме от 31 августа 1868 г. архимандрит написал Ильминскому, что будет хлопотать перед обер-прокурором синода о продлении срока командировки, и одновременно выразил свое согласие на присоединение к Грам-

⁵⁵ См.: К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 11.

матике словаря⁵⁶. По-видимому, в его тяжбе с попечителем миссии наметился обнадеживающий перелом, и 14 ноября 1868 г. он неожиданно разразился длинным-предлинным письмом к Н. И. Ильминскому и иером. Макарию⁵⁷, интересным для нас в том отношении, что в нем, между прочим, содержатся его пастырские «указания» справщикам «относительно калмыцко-алтайской лингвистики»: «В составлении алфавита (sic!) всевозможно ближе держаться руссизма, только бы не были слишком нарушены или затемнены обретаемые и узаконяемые вами правила и оттенки алтайской фонетики <...>. Премудрость претонкая D-г Радлова мне не глянется <...>. Нам бы так, чтобы было и просто и верно (не много ведь?)»⁵⁸. Предоставляя их «полнейшему совокупному усмотрению» «самый ход и протяжение дела» и как бы опасаясь упустить момент для изложения просьбы, спрашивал: «нельзя ли (не поздно ли?)» отпечатать на писчей бумаге 20 экз. словаря «специально для него?»

Для полного уяснения «вклада» архим. Владимира в составление Алтайской грамматики укажем также, что весной 1869 г. он еще раз вмешался в это дело: на завершающей стадии работы, когда всю шла корректура и знаток алтайских наречий должен был быть все время под рукой у редактора, архимандрит не нашел ничего лучшего, как отозвать — 22 апреля — иером. Макария в Москву, причем, распорядившись о высылке ему в Петербург 50 экз. Грамматики в переплетах, не нашел даже времени прочесть присланное ему предисловие к Грамматике. И если информант был возвращен в Казань вскоре по прошествии месяца, то произошло это отнюдь не благодаря заботливости архим. Владимира, а по настоятельной просьбе Н. И. Ильминского⁵⁹. Необходимы были его воистину дипломатические способности, высокий лингвистический авторитет и полнейшее авторское бескорыстие, чтобы возбудить и все время поддерживать интерес синода к задуманному предприятию по изданию Алтайской грамматики, умерять гнев вспыльчивого архим. Владимира и максимально использовать практические — может быть, не такие уж глубокие и всесторонние, какими они

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: П. В. Знаменский. Несколько материалов, с. 5—9.

⁵⁸ См. там же, с. 6.

⁵⁹ Вот отрывок из его письма к архим. Владимиру от 21 мая 1869 г., показывающего, как нетерпеливо ждал он иером. Макария: «Живу я себе, а грамматика Алтайская лежит — несчастная <...>. Если о. Макарий <...> услышит сии мои вопли, то я жду его ежедневно ок. 9-ти часов утра. Иногда жду-жду, да и начну роптать на судьбу и на него...» (см.: К. В. Харламов и ч. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 16).

представлялись редактору⁶⁰, — знания иером. Макария в области алтайских наречий и в этих необычных условиях работы довести дело до конца⁶¹.

Отослав любознательного читателя к письму Н. И. Ильминского архим. Владимиру от 9 августа 1869 г. с советами о рациональном использовании тиража Алтайской грамматики⁶², остановимся специально на одном письме, поскольку оно помогает уяснить колоссальную разницу между рукописью В. И. Вербицкого и тем, во что она вылилась в результате работы Н. И. Ильминского и иером. Макария по ее усовершенствованию. Из письма В. И. Вербицкого к Н. И. Ильминскому и иером. Макарию от 23 апреля 1869 г. следует, что, получив первые 104 страницы печатного текста Грамматики при письме от 26 марта, протоиерей просто не узнал своего сочинения и пришел в ужас: «Разве так исправляют? Вы ведь ничего не оставили из моей работы... Предисловие напрасно вы похерили, от этого у вас и вышло, что Грамматика упала с неба в виде манны»⁶³. Однако почти месячные трезвые размышления над печатным текстом и прирожденная честность смягчили уязвленное авторское самолюбие протоиерея и склонили его к признанию: «Но как Ваша работа вышла лучше моей, стройнее, общепонятнее, хотя и не яснее, то бог Вас простит»⁶⁴.

Утешился же В. И. Вербицкий тем, что пострадал «справщиков» пробрать их в рецензии, которую обещал написать по получении всей книги. Но вместо рецензии написал 4 июля 1869 г. Н. И. Ильминскому очень теплое письмо, начинавшееся словами: «Так как по языку Вы — истый алтаец, то думаю, что...»⁶⁵.

Да и архим. Владимир в своем прочувствованном, хотя и несколько неуклюжем, благодарственном письме к Н. И. Ильминскому от 14 августа 1869 г., в сущности, подтвердил коренной характер переработки рукописи В. И. Вербицкого, говоря

⁶⁰ В 1869 г. Н. И. Ильминский находил у иером. Макария совершенное практическое владение алтайским языком, о чем см.: Н. И. Ильминский. Православное богослужение на татарском языке в Казанской школе для детей крещеных татар. — Православное обозрение. Т. 3. Кн. 10. М., 1869, Известия и заметки, с. 381.

⁶¹ См.: К. В. Харламович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 12—16.

⁶² См.: П. В. Знаменский. Несколько материалов, с. 15. Архим. Владимир не внял советам ученого и большую часть тиража отправил на Алтай, где из-за малочисленности потребителей Грамматика расходилась плохо, так что в 1875 г. миссия готова была уступить ее книгопродавцам из европейской части России «хотя бы по рублю за экземпляр» (см.: К. В. Харламович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 35), а во время пожара 1886 г. в Бийске сгорели весь архив и библиотека миссии.

⁶³ ЦГА ТАССР, ф. 986, оп. 1, д. 95, л. 18.

⁶⁴ Там же. Слова «хотя и не яснее» подчеркнуты В. И. Вербицким.

⁶⁵ ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 95, л. 20—21.

о трудах казанского профессора «по реставрации алтайской грамматики» и сравнивая Алтайскую грамматику с памятником⁶⁶.

Что же касается иером. Макария, то для уяснения его роли в деле создания «Грамматики алтайского языка» было бы, пожалуй, вполне достаточно сказанного о нем в связи с другими лицами, особенно если учесть при этом, как возвеличил его в письме к обер-прокурору синода гр. Д. А. Толстому от 10 сентября 1869 г. сам редактор: «Издание Алтайской грамматики давно окончено <...>. Смею заверить ваше сиятельство, что иеромонах Макарий постоянно принимал в этом деле самое деятельное душевное и весьма полезное участие; без его помощи дело это не могло бы осуществиться»⁶⁷. Но один из биографов иером. Макария, некто М. Михайловский, настаивает на большем, полагая, что классическая «Грамматика алтайского языка» составлена тщанием чуть ли не одного иеромонаха. Перечисляя переводы и особенно замечательные самостоятельные литературные труды на алтайском языке о. Макария, этот биограф дает под № 11: «Грамматика алтайского языка. Первая мысль о составлении грамматики алтайского языка принадлежит одному из старейших деятелей миссии, бывшему помощнику начальника миссии, покойному о. протоиерею В. И. Вербицкому. В 60-х годах им была задумана и составлена краткая грамматика алтайского языка, но, посланная на рассмотрение в св. синод, эта грамматика найдена была неудовлетворительной и к изданию не была допущена. Составление алтайской грамматики было сначала поручено известному Казем-беку, а потом, за отказом его, покойному директору Инородческой учительской семинарии в Казани — Н. И. Ильминскому. Но так как Н. И. Ильминский, хорошо знакомый с татарским языком, не знал языка алтайских инородцев, то им вызван был в Казань алтайский иеромонах-миссионер, ныне преосвященный Макарий, который в 1869—1870 гг. долгое время жил в Казани и которому принадлежит главный труд в составлении алтайской грамматики. Определение и уяснение правил и законов о звуках, их сочетании и изменении, о произведении и грамматических формах слов, о составлении из отдельных слов простых и сложных предложений, систематиче-

⁶⁶ Архим. Владимир имел редкую возможность видеть как исходный материал в виде «Руководства к изучению алтайского языка», так и конечный продукт — «Граматику алтайского языка» объемом почти в 600 страниц: приняв в ноябре 1865 г. назначение на должность начальника миссии, он знал ее первоочередные нужды, так как к этому времени у него в Петербургской духовной академии уже более года квартировал иером. Макарий, занимавшийся печатанием алтайских переводов в синодальной типографии под цензурой А. К. Казем-бека.

⁶⁷ ЦГА ТАСРР, ф. 968, оп. 1, д. 8, л. 69.

ское распределение грамматического материала, подбор примеров на грамматические правила, русско-алтайский и алтайско-русский словари, приложенные к грамматике,— составляют исключительный труд преосвященного Макария. Для разъяснения внутреннего значения форм единственным пособием ему служила грамматика монгольско-калмыцкого языка, составленная проф. Бобровниковым. Н. И. Ильминскому принадлежала окончательная редакция русского текста грамматики»⁶⁸.

До чего же проста история создания классической грамматики в изложении этого духовного писателя: Вербицкий задумал и составил некое подобие грамматики — синод нашел ее нестоящей, поручили Казем-беку — тот отказался, попросили Ильминского — он, оказывается, не знал языка, а позвали Макария — он меньше чем за полтора года сделал все, да так, что Ильминскому только и осталось, что пройти по рукописи с карандашом в руке, да и то лишь в русской ее части! Не пресеченная вовремя самим Макарием Невским, эта легенда о его необыкновенном вкладе в языкознание пошла с тех самых пор гулять по страницам церковной печати⁶⁹ и, как мы видели, частично проникла также в светскую. Странно, однако, то, что в эту легенду поверил такой добросовестный и дотошный тюрколог, как Н. Ф. Катанов, окончивший Петербургский университет и имевший возможность выяснить для себя вопрос об авторстве Алтайской грамматики из уст И. Н. Березина (1818—1896), К. Г. Залемана (1848—1916), П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова (1837—1918), В. Д. Смирнова (1846—1922)⁷⁰, так или иначе знавших лингвистические потенции каждого из «членов алтайской миссии». По-видимому, здесь сказалось невольное давление авторитета восходящего иерарха, который того и гляди мог, вслед за архим. Владимиром, ненароком стать казанским архиепископом.

Можно было бы легко доказать несостоятельность попытки М. Михайловского приписать иером. Макарию «главный труд в составлении алтайской грамматики», приведя полный текст письма В. И. Вербицкого к Н. И. Ильминскому от 1 июля 1866 г. или отношения хозяйственного управления синода от 23 июня 1867 г. Но в этом нет необходимости: все фактические сведения из обоих документов мы уже знаем по частям. И все же допустим на минуту, что иером. Макарий и в самом деле сыграл главную роль в создании Алтайской грамматики, а

⁶⁸ М. Михайловский. По поводу сорокалетней годовщины...— ТЕВ. 1895, № 5, с. 10—11.

⁶⁹ См.: И. А. Высокопреосвященный Макарий.— «Голос церкви». М., 1913, янв., с. 12.

⁷⁰ Об этих тюркологах см.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, с. 123—126, 163—164, 215—216, 241—245 и 261—262.

Ильминский лишь навел общетюркологический глянец и попытаемся поискать опору в его биографии⁷¹.

Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский) [1(13).X.1835, с. Шапкино Ковровского уезда Владимирской губ.—1.III.1926⁷², с. Котельники близ Люберец Московской губ.]. С чисто внешней стороны жизнь Макария Невского, как она подана его биографами, не представляет интереса для лингвиста. Но две особенности в этой жизни остановят на себе внимание любого и каждого: деятельное долголетие и необычайно высокое положение, достигнутое выходцем из простой семьи при отсутствии высшего духовного образования.

Будучи восьмым ребенком в семье бедного приходского причетника, он окончил Тобольское духовное училище, а затем — семинарию, где, между прочим, вслед за старшим братом Александром получил фамилию Невский (досеминарская, отцовская фамилия — Парвицкий). От места приходского священника, от поступления в духовную академию и от брака отказался и поступил в феврале 1855 г. послушником в алтайскую миссию, где в марте 1861 г. принял монашество (при этом назван был именем основателя миссии, «подвигу которого подражал») и рукоположен в иеромонахи; в 1871 г. в Улале возведен в сан игумена, в 1883 г. — в сан архимандрита и поставлен во главе миссии, в 1884 г. стал викарием томским с местом пребывания в Бийске, в 1891 г. — самостоятельным епископом томским, в 1906 г. — архиепископом томским и, наконец, в ноябре 1912 г. — митрополитом московским и коломенским. После Февральской революции, а именно 20 марта 1917 г., был по просьбе московского духовенства уволен синодом на покой.

Для наших целей интерес представляют тобольский и особенно алтайский периоды жизни Макария. Но о тобольском периоде мы почти ничего не знаем. Известно только, что его родители переехали в Сибирь в поисках лишнего куса хлеба и в надежде устроить хоть кого-нибудь из детей учиться на казенный счет. Ясно также, что нам с самого начала приходится исключить мысль о раннем русско-тюркском двуязычии применительно к Макарию: принадлежность главы семьи к православному духовенству мешала детям переселенца запросто войти в контакт и постоянно поддерживать обычные житейские отношения со своими татарскими сверстниками в период, когда

⁷¹ Кое-какая литература о Макарии Невском приведена в кн.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. Т. 4. Пг., 1917, с. 102—103 (две статьи относятся к другим Макариям!).

⁷² Дата смерти определяется по эпитафии на плите, установленной по давней традиции под Успенским собором в Троице-Сергиевской лавре: «Почилося тело митрополита Макария. Родился 1 октября 1835 г. Почил 16 февраля 1926 г. <...> Жития было 90 лет 4 месяца 16 дней».

язык усваивается, что называется, играючи. Равным образом мы не знаем, слушал ли Макарий уроки татарского языка в тобольской семинарии и проявил ли он там каким-нибудь образом свои лингвистические способности: многочисленные биографы ни единым словом не обмолвились на этот счет.

На Алтае Макарий пробыл в общей сложности 36 лет, включая в этот срок и его отъезды в 1864—1865 и 1867—1869 гг. Алтайскому языку начал учиться у М. В. Чевалкова (1817—1901) в 19-летнем возрасте, причем практическое освоение языка шло у него медленно. «Около двух лет не мог он научиться, но потом вдруг стал понимать язык»⁷³, — свидетельствует его учитель в автобиографии. Однако повседневные миссионерские обязанности должны были со временем привести к активному владению языком. Во всяком случае, представляется вполне возможным предположение, что к моменту знакомства с Н. И. Ильминским в 1864 г. иером. Макарий практически уже достаточно хорошо овладел алтайским языком и по крайней мере интуитивно понимал основные диалектные особенности южных и северных алтайцев.

Как и В. И. Вербицкий, послушник Макарий прошел чевалковскую школу. В чем-то уступая, а в чем-то превосходя один другого, оба миссионера в знании наречий Алтая взаимно дополняли друг друга. Их самостоятельная миссионерская служба как бы параллельно проходила в разных районах Алтая. Вербицкий поступил в миссию в 26-летнем возрасте и в течение 6 лет (1853—1858) служил в Улале и Майме и «алтаизировался» в общении с телеутами, майминцами и алтай-кижи, чтобы затем 26 лет кряду проработать среди кузнецких телеутов и шорцев в кондомском отделении миссии (Кузнецкий округ). Невский сразу же по поступлении в миссию в 1855 г. на протяжении 6 лет проходил подготовку при главном стане в Улале, а с марта 1861 г. миссионерствовал среди теленгитов и тубакижи в Чулышманской долине (Бийский округ). Словом, оба миссионера приблизительно в равной мере владели алтайским языком. Но во многом они и отличались друг от друга и стояли в разных отношениях к Н. И. Ильминскому, когда архим. Владимир вошел в синод с ходатайством об издании пособия по алтайскому языку: В. И. Вербицкий уже зарекомендовал себя как автор ряда работ, опубликованных в общероссийских органах, Макарий Невский успел проявить себя только как корректор коллективных переводов избранных мест из вероучительных книг; один воплотил свое понимание грамматического строя алтайского языка в свое «Руководство» и вложил в него

⁷³ См.: М. В. Чевалков. Памятное завещание. Автобиография миссионера алтайской духовной миссии священника М., 1894, с. 54.

весь свой практический опыт, другой ограничился представлением замечаний по частным вопросам и тем самым как бы оставлял за собой право на дополнительные высказывания; один в течение ряда лет вел с Ильминским переписку о «Руководстве», но так и остался его заочным знакомым, другой лично представился Ильминскому в 1864 г. при первом же проезде через Казань и своей располагающей внешностью и «редкими душевными качествами» произвел на Ильминского самое приятное впечатление; один отличался самостоятельностью суждений и умением постоять за них, другой — покладистостью, исполнительностью, прилежанием и вообще легко убеждался доводами сильных мира сего; одному было уже 40 лет, другому — 32; один безотлучно жил на Алтае, другой с явным удовольствием путешествовал в Петербург, Москву и Казань. Словом, уже эти черты сходства и отличия убеждают нас, почему Н. И. Ильминский предпочел иером. Макария В. И. Вербицкому в качестве информанта и сотрудника в работе по «изведению алтайской грамматики на свет».

Разумеется, едва ли не первостепенными и, уж во всяком случае, немаловажными были для Н. И. Ильминского соображения поделиться своим опытом в области перевода и школьного дела: иером. Макарий был в Казани чем-то вроде полномочного представителя архим. Владимира по переводческому и школьному делу в интересах алтайской миссии. Алтай же в представлении Ильминского являл собой благодатное поле для проверки и утверждения в полном объеме его принципов образовательной системы «инородцев».

Предоставим, однако, другим право судить о просветительной системе Н. И. Ильминского и остановимся на очень важной — с точки зрения уяснения процесса создания Алтайской грамматики — для нас особенности его чисто человеческой натуры, а именно его манере на ходу формулировать мысли и без запинки диктовать их своему сотруднику или ученику. Эта особенность натуры Н. И. Ильминского производила сильное впечатление на современников, близко знавших его⁷⁴, а нам поможет понять роль иером. Макария как информанта и секретаря. Ведь к началу работы над Алтайской грамматикой Н. И. Иль-

⁷⁴ См., например, воспоминания И. Я. Яковлева «Николай Иванович Ильминский»: «Вечно он писал или диктовал другим <...>, причем диктовал, ходя по комнате нервно, быстрыми шагами, ясно, логично, без вставок и поправок...» (Архив ЧувНИИ, отд. II, ед. хр. 523, инв. № 1507, л. 41). Даже на смертном одре за несколько дней до кончины он, по свидетельству С. В. Смоленского (1848—1909), «диктовал связно, логично — так что письма и бумаги переписывались без малейшей поправки» (см.: Николай Иванович Ильминский. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни. Издание почтителей покойного. Казань, 1892, с. 120).

минский имел в своем распоряжении не только рукопись Вербицкого и готового к его услугам информанта, но и первую книгу радловских «Образцов» с фонетически точными записями некоторых наречий Алтая. Так что, зная умение Н. И. Ильминского быстро схватить суть отдельного явления и постигнуть конкретную языковую систему в целом, нам нетрудно представить себе, как на основе сопоставления показаний рукописи Вербицкого с безукоризненными радловскими «пробами» и их перепроверки через посредство или с помощью сидевшего тут же информанта-секретаря складывалось у казанского полиглота общее впечатление о том или ином фонетическом или грамматическом явлении алтайского языка и как это впечатление сразу же воплощалось в параграф, если, разумеется, предложенный Вербицким вариант по своей сути признавался некорректным или недостаточным.

Принимая во внимание круг предполагаемых первых читателей Грамматики — а в предуведомлении совершенно недвусмысленно выражается надежда, что она «может составить некоторое пособие к изучению алтайского языка для начинающих миссионерскую деятельность», — следует предположить, что Н. И. Ильминский вполне сознательно возложил на иером. Макария бремя лексического воплощения того или иного правила или положения, т. е. информант-секретарь был для редактора одновременно и эталоном понятности и доступности изложения. Именно этим мы могли бы объяснить как упрощенную терминологию вроде «толстые и тонкие гласные» вм. «гласные заднего и переднего ряда», «жесткие и мягкие согласные» вм. «глухие и звонкие согласные», «перестановка букв в слове» вм. «перестановка звуков» или метатеза, так и по-церковному тяжеловесный стиль изложения.

Чтобы убедиться, что принятый в Алтайской грамматике стиль — дело рук Вербицкого и Невского, а не Ильминского, достаточно сопоставить манеру письма каждого из них, взяв, например, упомянутый выше «Очерк деятельности алтайской духовной миссии» или раздел о языке в посмертно изданном сборнике В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы» (М., 1893), письма и проповеди митрополита Макария Невского⁷⁵ и любую работу Н. И. Ильминского, в частности «Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка», «Беседы о народной школе», «Воспоминание об И. А. Алтынсарине», «Уроки татарского языка» или его письма. Для первого характерны обстоятельность и относительная доступность изложения, второму орга-

⁷⁵ См. письма в кн.: П. В. Знаменский. Несколько материалов, с. 23—25, 31—33, 40—43, 49, 59, 69, 74, 78—79; проповеди — в кн.: Макарий (Невский). Слова, беседы и поучения в дни праздничные и воскресные... Сергиев-Посад, 1914.

нически присущи витиеватость и какая-то скованность письма, у третьего ясность и глубина мысли удивительным образом сочетается с легкостью, изящностью, образностью, неотразимой логичностью изложения и, кроме того, постоянным стремлением приноровить каждое данное сочинение к возможностям читателя, чтобы лучше донести до его сознания то, о чем взялся писать. Другими словами, подмеченную еще П. М. Мелиоранским⁷⁶ тяжеловесность стиля Алтайской грамматики мы склонны отнести на счет В. И. Вербицкого и Макария Невского, а глубину проникновения в особенности строя алтайского языка, высокий научно-теоретический уровень Грамматики, ее «стройность и общезобразительность» связать исключительно с Н. И. Ильминским. Другими словами, несколько не умаляя вклада Вербицкого и Макария Невского в создание Грамматики, мы должны все же признать, что только Н. И. Ильминский мог привлечь материал из азербайджанского, казахского, татарского, турецкого, уйгурского, чагатайского, чувашского и якутского языков и свободно распорядиться им для сравнительно-исторического освещения фактов алтайского языка и в связи с этим именно языком говорить об обще- и древнетюркских явлениях и монгольских элементах в нем. Несомненно, Н. И. Ильминскому практическое пособие «для начинающих» обязано превращением в первоклассное, образцовое грамматическое сочинение по тюркским языкам. Недаром К. Г. Залеман писал: «...мы советовали бы всякому, кто берется за составление самоучителя по какому-нибудь татарскому (=тюркскому.—Ф. А.) наречию, тщательно изучить сперва „Алтайскую грамматику“»⁷⁷.

Чем еще зарекомендовал себя Макарий Невский как лингвист? В 1866—1867 гг. «по поручению и указаниям архим. Владимира» он совместно с М. В. Чевалковым составил Алтайско-русский букварь с книгой для чтения (СПб., 1868)⁷⁸. Но Букварь нельзя признать удачным ни с лингвистической, ни с методической стороны: следование русской азбуки непосредственно после алтайской без должного закрепления материала мешало алтайским ученикам составить «ясное и определенное понятие о значении и произношении [одних и] тех же букв и вообще о звуковой системе в языках

⁷⁶ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 2. Синтаксис. СПб., 1897, с. VI.

⁷⁷ См.: ЗВОРАО. Т. I. 1887, с. 37.

⁷⁸ К сожалению, нам не удалось отыскать этот Букварь, и мы можем судить о нем только по имеющимся описаниям (апологетическим или критическим) других: М. Михайловский. По поводу сорокалетней годовщины... — ТЕВ. 1895, № 5, с. 5; И. И. Ястребов. Миссионер... Владимир... — ПС. 1898, июнь, с. 652; К. В. Харламович. Высокопреосвященный Макарий... — ПС. 1905, май, с. 53.

алтайском и русском»⁷⁹. Поэтому Н. И. Ильминский считал целесообразным «при помощи алтайских воспитанников, обучавшихся в Казанской учительской семинарии», издать Букварь в пересмотренном виде⁸⁰. В этом издании Букваря определенный интерес представляет так называемое примечание переводческой комиссии на двух последних страницах, но оно, судя по всему⁸¹, принадлежит тому же Н. И. Ильминскому. Что же касается переводческой деятельности Макария Невского, то и здесь он остался лишь подражателем Н. И. Ильминского.

Таким образом, у нас нет решительно никаких оснований признать иером. Макария главным автором Грамматики алтайского языка, хотя, разумеется, мы отнюдь не склонны и признать или умалить его роль как информанта и секретаря. Зато у нас есть серьезные основания полагать, что научно-теоретическое обеспечение составления Грамматики, т. е. то главное, благодаря чему она сразу же заняла место в ряду классических трудов, «вошедших в золотой фонд мировой тюркологии»⁸², принадлежит Н. И. Ильминскому.

Прежде всего обратим внимание на одно важное для нас высказывание К. В. Харламповича (а он, как известно, в одном и том же 1905 г. выпустил три работы, посвященные отдельно Макарию Глухарёву, Макарию Невскому и Н. И. Ильминскому): «С июля 1868 г. о. Макарий по приглашению Н. И. Ильминского, занимавшегося тогда исправлением и подготовлением к печати грамматики алтайского языка, составленной на Алтае свящ. В. Вербицким при ближайшем участии иером. Макария, жил в Казани, помогая Николаю Ивановичу в его труде, и продолжал знакомство с его просветительной деятельностью»⁸³. Но есть и более определенные свидетельства, которые, однако, приходится тщательно взвешивать как ввиду их явной недосказанности, так и ввиду сложности и неодинаковости взаимоотношений Н. И. Ильминского с архим. Владимиром, В. И. Вербицким и иером. Макарием.

Когда Грамматика была близка к выходу в свет, отклоненного к подозрительности архим. Владимира пришло в Казань «очень сильное письмо с укорами как Ильминскому, так и о. Макарию» от 23 мая 1869 г.⁸⁴. В ответ на это письмо

⁷⁹ См. примечание переводческой комиссии в кн.: Алтайский букварь. Алтай кижилер балдарын бічіке үредерге. Азбука. Казань, 1882, с. 48.

⁸⁰ Этот переработанный Букварь (полное название см. в прим. 79) имеется в Москве в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

⁸¹ О миссиях Томской епархии в 1882 году.— ТЕВ. 1883, № 15, с. 443.

⁸² См.: А. Н. Кононов. В. В. Радлов и отечественная тюркология.— Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 8.

⁸³ К. В. Харлампович. Высокопреосвященный Макарий... — ПС. 1905, май, с. 53.

⁸⁴ К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия, с. 12.

Н. И. Ильминский написал гневливому архимандриту подробнейшее письмо от 27 мая 1869 г., в котором рассеял все нелепые подозрения и, чтобы убедить начальника алтайской миссии в своей авторской бескорыстности, заверил его: «Чужой чести принимать себе я не намерен»⁸⁵. Вызванный на такие неприятные объяснения, Н. И. Ильминский остался верен себе: он находил, что «Грамматика алтайского языка» далека от совершенства и что более надежная грамматика — это, «конечно, не нами с о. Макарием составленная, а по ее поводу имеющая быть разработанной и усовершенствованной на месте, в самом Алтае»⁸⁶. Могла ли украсить список деяний серьезного человека такая несовершенная грамматика, какой она все время представлялась взыскательному тюркологу? И стоит ли удивляться, что на титуле вышедшей в свет летом того же года Грамматики на месте авторов появилась загадочная формула: «Составлена членами алтайской миссии»?!

Зная уже в год выхода в свет Алтайской грамматики позицию человека, якобы совершенно непричастного к ее составлению, Н. И. Ильминский и в дальнейшем держался как сторонний человек. Так, в своей специальной работе о переводах и сочинениях на инородческих языках, рекомендуя переводчикам на тюркские и финно-угорские языки самым внимательным образом прочитать «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова, поскольку это сочинение «значительно разъясняет внутреннее устройство и этих языков», свидетельствовал: «Я знаю, что оно было, в этом отношении, полезно для алтайской миссии»⁸⁷, т. е. говорил об Алтайской грамматике, как совершенно сторонний человек. Это не жест обидчивого человека, это твердая нравственная позиция ученого и человека, который превыше всего ставил интересы дела, как он их понимал. И эту позицию нам было бы и сегодня трудно понять, если бы мы не располагали свидетельствами его современников, которые прямо указывают на то, что Н. И. Ильминский «не только никогда не распространялся о своих заслугах, а всегда как будто намеренно умалял их»⁸⁸, что, «рассказывая самые мельчайшие подробности о других, <...> он постоянно старался спрятать свою личность и заслуги <...>, все свои собственные заслуги приписывал другим, своим помощникам и орудиям, которых таким образом и выдвигал прямо на свой счет. Такое выдвигание на свой счет других постоянно

⁸⁵ Там же, с. 16.

⁸⁶ Там же, с. 13.

⁸⁷ Н. И. Ильминский. Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках. Казань, 1871, с. 19.

⁸⁸ А. С. Рождествен. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Казань, 1900, с. 79—80.

практиковалось им в печати, в его многочисленных статьях об инородческих школах и переводах»⁸⁹.

Этим пользовались его тщеславные «помощники и орудия» (причем Н. И. Ильминский знал об этом и нисколько не обижался на них⁹⁰). По-видимому, не устоял перед соблазном прослыть ученым языковедом и Макарий Невский, которому не стоило никакого труда внести ясность в вопрос об авторах Алтайской грамматики: как-никак, неточные сведения печатались в подведомственных ему органах. Но, видно, неточности не претили ему, а ореол автора грамматического сочинения, о котором с почтением говорили и писали знаменитые академики, обеспечил ему преимущества перед другими иерархами и в конечном счете привел его на московскую митрополию. Справедливости ради следует все же признать, что в первые дни после смерти Н. И. Ильминского Макарий Невский держался иначе: он санкционировал публикацию составленного епископом Владимиром Синьковским (ок. 1847 — ок. 1918) отчета о миссиях Томской епархии за 1891 г., содержавшего два очень важных для нас положения, а именно: что «для алтайской миссии почивший (т. е. Н. И. Ильминский. — Ф. А.) известен своими незабвенными трудами по редактированию грамматики алтайского языка»⁹¹ и что «преосвященный (т. е. Макарий Невский. — Ф. А.), будучи еще иеромонахом, участвовал в качестве сотрудника при составлении грамматики алтайского языка ныне покойным Николаем Ивановичем Ильминским»⁹². Как мы уже видели, акценты в сторону Макария Невского переместились несколько позже благодаря старанию духовной братии и неосмотрительности А. А. Ивановского.

С другой стороны, мы располагаем свидетельствами самого Н. И. Ильминского в виде писем, которые не предназначались для печати. «Позволю себе указать и на то, — читаем мы в его, скорее всего, неотправленном письме от 8 сентября 1870 г. к какому-то видному сановнику по имени Иван Александрович, — что Алтайская грамматика много раз присылалась с Алтая в Петербург и оттуда возвращалась вспять с замечаниями для переделки; а наконец в Казани она была переделана

⁸⁹ П. В. Знаменский. На память о Николае Ивановиче Ильминском, с. 5.

⁹⁰ Даже наоборот, он искренне сокрушался, когда ему указывали, что тот или иной сотрудник покушается на его заслуги, и по-человечески жалел таких указчиков, не понимавших того, как мало для него значили такого рода покушения: «Ильминский, по привычке, хватал себя обеими руками за голову и раскачивался, что всегда выражало его неудовольствие» (И. Я. Яковлев. Николай Иванович Ильминский. Воспоминания. — Архив ЧувННИИ, отд. II, ед. хр. 523, инв. № 1507, л. 27).

⁹¹ См.: ТЕВ. 1892, № 6, с. 11.

⁹² ТЕВ. 1892, № 5, с. 15.

и напечатана. Положим, это дело исполнял алтайский миссионер иеромонах Макарий, но нелишними были и мои указания»⁹³. И еще одно письмо, приведенное К. В. Харламповичем. «В самой грамматике,— писал Ильминский еп. Владимиру Петрову 30 марта 1882 г.,— я старался свести, при помощи древнего татарского, насколько он известен по рукописям и который мы называли тюркским, существующие на Алтае наречия, старался показать черты казанского наречия и киргизского...»⁹⁴. Иными словами, в сугубо частных письмах Н. И. Ильминский признавал свое участие в Алтайской грамматике, но делал это лишь в исключительных случаях, крайне неохотно и, главное, негласно. Тем ценнее такие признания. И тем тверже наша убежденность, что истинный творец Алтайской грамматики не кто иной, как Н. И. Ильминский (между прочим, никогда формально не бывший членом алтайской миссии).

Все сказанное выше позволяет нам полностью присоединиться к высокой оценке творческого подвига Н. И. Ильминского, данной А. Н. Самойловичем, который назвал его первым в ряду отечественных научно подготовленных теоретиков-лингвистов в области тюркологии, выдвинувшихся во второй половине XIX в.: Ильминский — Корш — Залеман — Мелиоранский — Ашмарин⁹⁵.

Итак, в ответ на вопрос об авторах «Грамматики алтайского языка» 1869 г. мы можем с полной уверенностью сказать, что это В. И. Вербицкий, Макарий Невский и главным образом Н. И. Ильминский.

⁹³ ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 8, л. 25.

⁹⁴ См.: К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и алтайская миссия. с. 49—50.

⁹⁵ См.: А. Н. Самойлович. Вильгельм Томсен и тюркология.— Памяти В. Томсена. Л., 1928, с. 16.